

Литература и искусство

Орган правления Союза советских писателей СССР, Комитета по делам искусств при СНК СССР и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР.

№ 11 | 14 МАРТА | ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО | 1942 ГОД | Цена 45 коп.

Книги — фронт

Художественная литература, неизменно в течение веков выступавшая за свободу против диктатуры, за свободу против рабства, за свободу против извращения, за свободу против извращения, за свободу против извращения, за свободу против извращения...

В тех же томах и мешках, в которых достают Пушкина и Толстого, выложены библиотечники выходящие книги советских писателей и поэтов. Об этом следует напомнить тем, кто думает, что война для писательской профессии означает право на досрочную работу.

Несомненно! Теперь, когда книги везут в окопы, на передовые позиции, в разрыве с боевыми порядками, необходимо, чтобы книги везли в окопы, на передовые позиции, в разрыве с боевыми порядками...

Массовые серии и сборники преобладают в печати. Однако бросается в глаза, что все они преимущественно составлены из вещей, написанных для газет. Это хорошо, особенно в тех случаях, когда в окопы выйдут книги, как когда-то выйдут книги...

В своей известной книге, посвященной Толстому, Стендалю, Казаново, Стефан Цвейг называет их «платонами собственной жизни». Себя же самого он мог бы с полным основанием назвать певцом чужих жизней. Много, красноречиво, иногда риторично, но чаще всего увлекательно и темпераментно рассказывал он о чужих биографиях. В этом смысле сфера интересов писателя кажется даже чересчур широкой и разносторонней. Великие люди, как Толстой, замечательные мастера, как Достоевский, Диккенс, Балзак, посредственные поэты, как Марселена Деборд Вальмор, политические проходимцы, как Жозеф Фуче, отважные путешественники, как Магеллан, неустрашимые шариаты, как Месмер, гуманисты Возрождения — Эразм Роттердамский, гуманисты современности — Ромэн Роллан, наконец, Мария Антуанетта и Казанова — эти столь же похожие одна на другую ни по характеру, ни по историческим масштабам личности вызвали у Цвейга неизменный энтузиазм пытливого исследователя и неутомимый пыл художника-портретиста.

Необходимое для скорейшей победы, — разве можно забыть этот очевиднейший источник ценнейшего материала, богатейших, разнообразнейших тем для подлинно художественной прозы — очерков, повестей, рассказов. Это в равной мере относится и к поэзии.

Госпитализация влетает в расходы в нынешнем году серьезно «Писатели-патриоты великой родины». Сюда войдут патристические произведения всех лучших писателей XVIII, XIX и начала XX века. Нельзя не приветствовать выпуск такой библиотеки. Можно рекомендовать издательству «Советский писатель» по такому же образцу дать серию выписок с избранными патристическими произведениями советских авторов.

Великую отечественную войну с фашистами ведет вся наша многонациональная страна, все входящие в ее состав народы. Поэты и писатели, работающие в союзных республиках, уже начали создавать художественную литературу, посвященную войне, воспевающую подвиги героев — украинцев и белорусов, астонцев и латышей, грузин и азербайджанцев, узбеков и киргизов...

Было бы справедливым полагать, что подобные переводы появляются сами собой. Их надо организовать, привлекать к этому делу кадры квалифицированных переводчиков — талантливых поэтов и писателей.

Издательства обязаны дать фронт узаманную книгу. Почти в этом отношении ослеп Восток в его «Библиотечке бойца». Война потребовала от издательства полного отказа от той медлительной академичности, которая была, и осталась, почти традицией. Необходимым оказался совсем иной стиль работы. «Все для фронта!» — этот лозунг означает и то, что фронт нужно давать все необходимое по-прежнему. Книжки, как и раньше, должны поспевать по военным дорогам за наступающими дивизиями. Их нужно много, и они должны быть как раз такие, какие необходимы для успеха наступления, для победы.

В. ГУСЕВ КРОВЬ ДЕТЕЙ

Где мне найти слова, как вынести мне муку, Какою мутью отомстить врагу? Снегу танкист не может удержаться. В лесах майских стывшую в снегу? Сии, девочка. Две маленькие ранки. Пробира грудь. Где твой отец, где мать? Идут вперед на запад наши танки. Снегу танкист не может удержаться. Кто ты, ребенок? Чей надеждой светлой? Была ты, девочка, убитая врагом? Шумят снега, встревоженные ветром. Угрюмые леса раскинулись кругом. Родная сторона, ты плачешь о ребенке, Грустит лес в седых снегах, в ночи. О взгляде светлом и о смехе звонком, О песне, что уже не звучит. Мы шломы строили, вокруг сада садил, Мы для детей громады возводили. Где и когда вот так детей убили? Как любил их в советской стороне? Мы города растили на Востоке, Врубались в глушь, в тайгу, в лесную чащу.

И первый свет, и новый дом высокий, И первые цветы — все было для детей. Сии, девочка родная. К изголовью тебе смежил сугробы надела. Кто скажет мне: Надеждой или Любью? Или просто Машенькой мать тебя звала. Сии, девочка. Танкист вперед стремится. Он смерть не сможет позавить твою, И трепещете же, детубийцы, Когда его вы встретите в бою.

ПАМЯТИ ДМИТРИЯ ФУРМАНОВА

Шестнадцать лет тому назад, 15 марта 1926 г., умер Дмитрий Андреевич Фурманов — замечательный писатель, боец-большевик. Фурманов создал в своей знаменитой повести образный образ Чапаева — подлинного сына народа, талантливого военного руководителя и организатора, рожденного эпохой гражданской войны. Военный талант Чапаева — важнейшая сторона того оригинального характера, который возникает из фурмановского произведения.

Образ Чапаева был бы не завершен, если бы рядом с ним не стояла фигура комиссара Клычкова — замечательного политического руководителя и воспитателя бойцов чапаевской дивизии. Федор Клычков — это автобиографический образ самого Дмитрия Фурманова. Традиции Фурманова, писателя-бойца, приобретает огромное значение сейчас, в дни великой отечественной войны. Для того, чтобы стать художником беспримерной исторической эпохи, переживаемой нашей родиной, нужно быть вместе с народом, нужно быть там, где творится история. Фурмановская традиция — живая в советской литературе наших дней.

Дм. Фурманов.

И. БОЛЬШАКОВ РАБОТАТЬ ВОЕННЫМИ ТЕМПАМИ

Генерал-лейтенант Рокоссовский. Рис. И. Гремиславского

А. ЛЕЙТЕС Стефан Цвейг

И прозрачного куска, оказалась после войны 1914—1918 гг. и в результате гитлеровской агрессии расколотой на три части... Да и тагостных переживаний последнего времени, сонных и инертных, свидетелем бесстыдя Германия, вполне хватило бы не на одну, а на три жизни. Так горестно объяснил он название своей автобиографии.

И надо ли при этом доказывать, что вскоре после того, как гитлеровские громады захватили Германию, книги Стефана Цвейга под удлинёнными бегущихся изгнанных были брошены на костры. Могли ли случиться иначе? Могли ли «стереть» и практики слухов пунктов терпеть утонченного писателя глубокого человеческого переживания женщины? Могли ли скопозодобные оксериентили культурных ценностей выносить одного из талантливейших литературных культуртрегеров — Стефана Цвейга?

ПЛЕНУМ ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ХУДОЖНИКОВ СССР
15 марта в Москве открывается седьмой пленум оргкомитета Союза советских художников СССР по докладом «Задачи художников в период великой отечественной войны» выступит председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР М. Б. Хранченко.
Открытие пленума состоится в 20 часов в Центральном доме работников искусств.

Почетный пассажир

В армейской шинели, В армейской шинели Вагона он идет На трамвайной стоянке.

Он входит с передней Площадки трамвая, На правую ногу Немного хромая.

Таких пассажиров В трамвае немного, И люди ему Уступают дорогу.

Таких пассажиров В танке положем, Повсюду — вниманье, Везде — уваженье.

Сидит он в вагоне На лучшем из мест, Кондуктор с него Не берет за проезд.

Он орден имеет Под серой шинелью, Он ранен под Клином Немецкой шрапнелью.

Бесстрашный участник Большого сраженья, Он вывел товарищей Из окруженья.

Боец-пулеметчик Стрелкового взвода, Большое спасибо Тебе от народа.

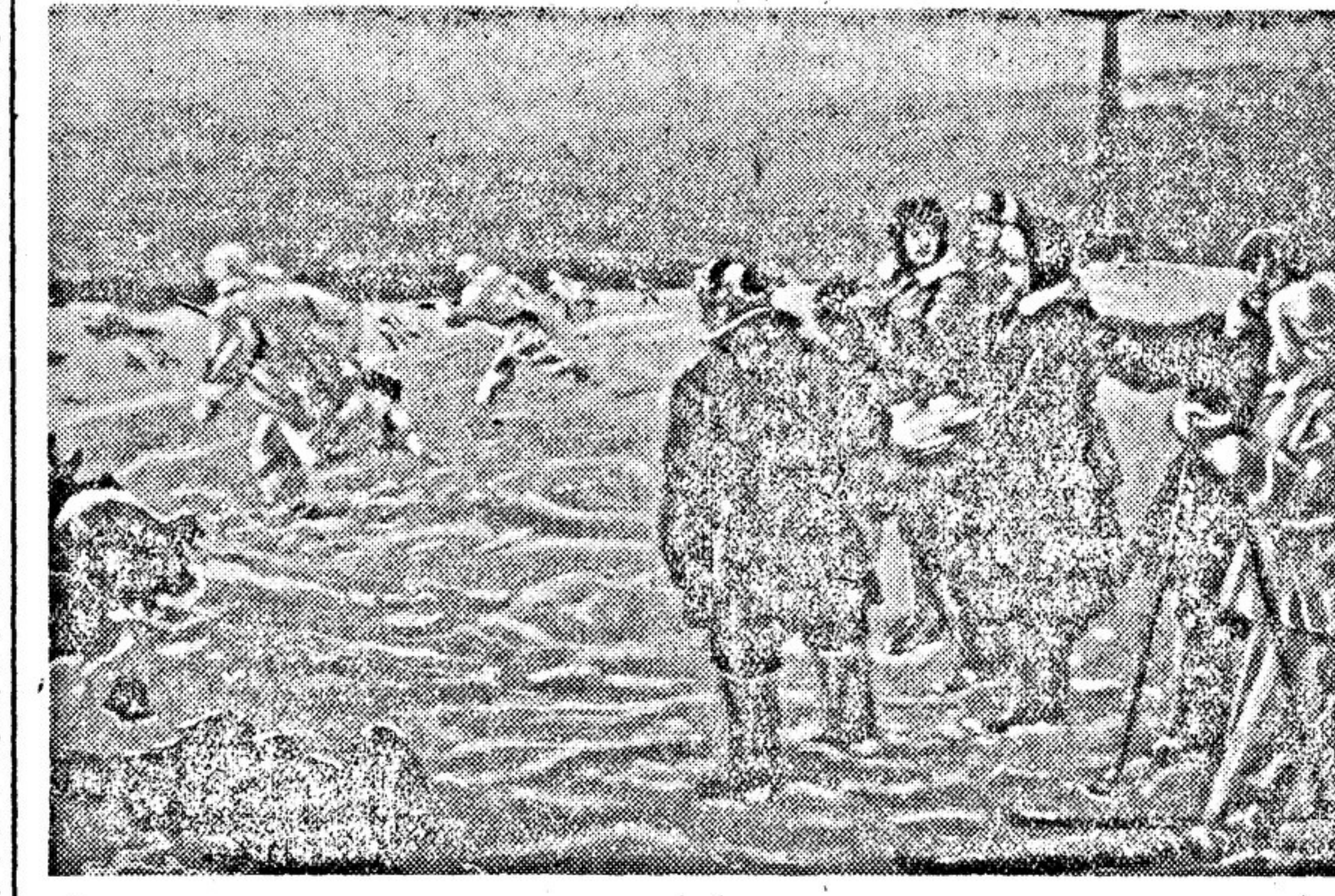
Л. ЧЕРНОМОРЦЕВ

Где дула длинные зениток...

Где дула длинные зениток Смотри прямо из дула, Среди расклеванных, разорванных И выданных земных известок; Где пламя изрыгали танки И люди гасили в крови, И чаем из консервной банки Пили раненых сестры; Где проводники заграждений Шипы железные торчат — Там в светлый день освобождения Профдем, как солнце входит в сад, Деревья зашумят листвою, Луна раскроется цветом, И в ногу с песней строевою В село родное вступит ты. Западет в избых теплым хлебом... Росой умоется трава. И окосев простреленное небо Блещет густая синева.

нормально управлять своими органами чувств, когда слух подводит тебя, и к тому же ты, как слепой, должен вести себя за нос... Может быть оно в самом деле так? И поэтому теперь так плохо... Очень плохо!... Но постою, остаются же еще три органа чувств... Погоди, Карл, я должна еще поработать, как обстоит дело с ними... Как называются эти три органа чувств? Ведь нас учили этому в школе... Вкус, осязание, обоняние... Правильно! Что же, горечь нашего существования мы вкушаем изо дня в день, мы ощущаем вкус его в каждом скудном куске хлеба, отпускаемом для наших голодных ртов... А руки наши все чаще и ответственнее осязают потертую ткань величия Германии. Дрожание руки у нас, Карл! Это руки слепых, ослепленных, лишенных зрения. Но у слепых с особенной силой развивается чувство осязания, у них, говорят, армие руки, необычайно чувствительные пальцы, которые нащупывают не только грубые прорехи в ткани, но и невидимые для глаза места, где прорыв еще не обозначился, но ткань все же проветривается... Скоро, очень скоро, Карл, прорвется эта протертая ткань, отсканная и лжи и обмана, под барабанный грохот и гром фанфар, — скоро, скоро!... О, вероятно легкомысленны были мы, все мы, Карл. Как беспомощные слепцы и глухонемые, мы позволили вести нас в пропасть. Сохранившиеся у нас чувства позволяют лишь ощущать горечь разочарования, нащупать край бедствия, в которую нас хотят ввергнуть, выдыхать отвратительный запах гниения и смерти! Да, бессмысленной кажется дальнейшая жизнь. Но разве каждый человек в отдельности и весь народ в целом не могут в минуты страшнейшей опасности познать, что может еще обнаружиться спасительное шестое чувство? В школе нам ничего не говорили о нем, этому нас научила сама жизнь. Бессмысленная и бесконечная война пробуждает в нас это шестое чувство. Быть может шестое чувство современно поможет нам вновь обрести слух и зрение? Быть может именно это шестое чувство подсказывает мне, что мы, наконец, вырвемся из одиночной камеры наших мыслей?.. Может быть шестое чувство — это чувство великого прозрения, которое позволяет проникнуть в самый корень, в самую основу вещей и явлений, взглянуть в ту глубину, где горит огненная надпись: — Эта война — несчастье для Германии. Все было ложью!

Нет, я не знаю больше страха, Карл! Нет, я больше не имею ничего общего с этой ложью. Мы уберем всю нечисть, которая освержила нашу жизнь! Мы используем оружие нашего шестого чувства мудро и обдуманно, осмысленно и настойчиво... Я оборву этот алогичный путь в пять шагов вперед и пять шагов назад... Я сделаю шестой шаг! Неужели он не станет первым шагом к свободе! Я должна теперь запечатлеть все это, как есть, на бумаге, я должна написать тебе обо всем этом письмом, Карл, письмо, решающее нашу судьбу. Пять шагов... Пять чувств... Шестое чувство, и новый первый шаг... Я должна написать тебе, Карл, это письмо! (Перевод с немецкого М. Живоно).

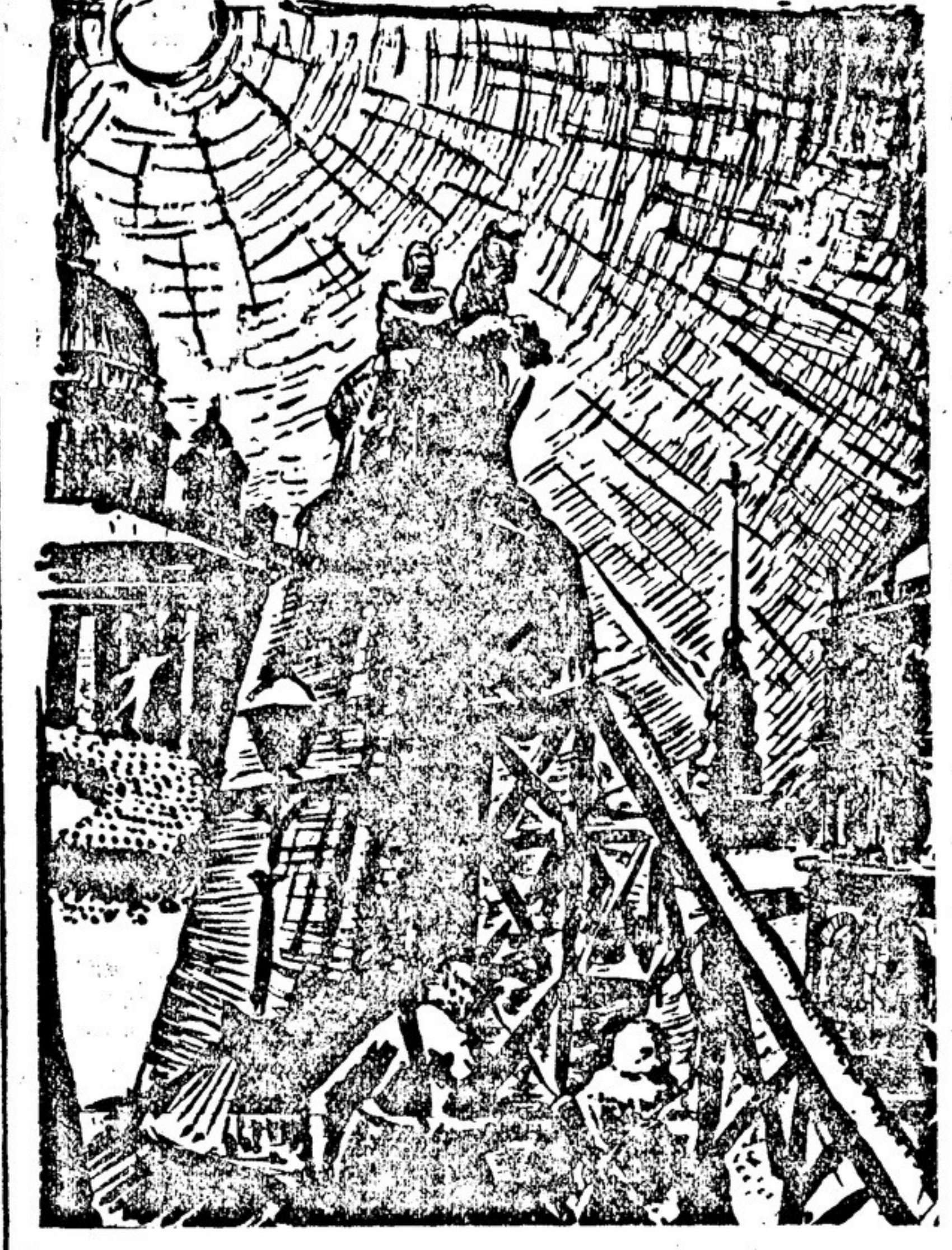

«Бородино 1942 года. Картина А. Бубнова.

Академик архитектуры

АРХИТЕКТОРЫ НА ЗАЩИТЕ ГОРОДА ЛЕНИНА

Ленинград с его архитектурными памятниками и замечательными ансамблями — это памятник нашей национальной славы. Мы называем его также колыбелью революции. В нем, в этом городе, раздавалась пламенная речь Ленина, формировались рабочие батальоны, мушкетеры Красной гвардии. Векковая мощь города Ленина раскри-

Памятник в защитной шлубе. Рис. академика архитектуры Л. Руднева

жился, в котором была предусмотрена защита населения от вражеского бомбежка. Всею себя отдавая он благородной задаче защитить свой народ, жители своего города от воздушных фашистских истребителей и артиллерийских снарядов разъяренного врага. Архитекторы Губаненко, Фомин и многие другие были заняты искуснейшей маскировкой военных объектов, промышленных предприятий, выдающихся памятников архитектуры. Много изобретательности проявил архитектор Ротштейн: он изучал разрушительное действие авиабомб и артиллерийских снарядов на архитектуру. При планировке кварталов и бомб дождит земля, расшатываются здания, разрушаются скрепленные. Архитектор все это должен изучать и учесть, восстанавливая разрушенное и осуществляя строительство в дни войны.

В тяжелых условиях проводили мы суровые месяцы осады. Но архитекторы города Ленина мужественно выдержали все испытания, выжила творческая работа, ибо верили — не быть врагу в Ленинграде. В союзе художников развернута выставка, посвященная великой отечественной войне. Художник Кошачев в дни бомбежек много занимался и занимается живописью, академик Петров написал превосходный пейзаж, в который ввел батальный мотив.

Но, может быть, вы не знаете искусство не соприкоснувшись с нашей армией так близко, как в одном замечательном опыте, продленном живописцами и скульпторами. Они декорировали павильон барельефами, по которому проходили ленинградские войска на фронт. Зрители удивительное и величественное! Это не были обычные праздничные, порой ярчайшие украшения. Скромные и строгие барельефы были украшены на стенах во дни следования боевой. Особенно сильное впечатление произвело на меня изображение женщины, несущей знамя: столько силы, любви, патристического порыва и глубокой веры в победу было в этом образе родины-матери.

Грелась каноида, а в городе готовились к дипломной сессии молодые архитекторы — студенты Всероссийской академии художеств. Поистине это была историческая сессия. Шел суровый декабрь 1941 года. Тяжелая утрота нарисовала над столицей. Враг рылся в Ленинграде и сердцу страшило — Москва Грозная защитников-дипломатов, предостерегая удальности, созданные приближением фронта, превосходно защитила дипломные проекты.

Выдающийся проект представил дипломник Вакоер. Он приступил к своему диплому еще до войны и выбрал миру поэтическую тему: проект планировки парка культуры и отдыха. Но грозное дыхание войны коснулось галактического юности, враг угрожал Ленинграду, погиб, знающая город Ленина, близкий друг архитектора, и Вакоер внес в свой проект новое содержание, новые черты. Теперь это был переработанный памятник героическим борцам за честь и свободу родины, от которого веяло суровой значительной красотой древней русской архитектуры Новгорода, Пскова. Очень интересные проекты защитили архитекторы Сперанский, Лансере и Качаевы (проект здания библиотеки при Академии наук в Москве). Не могу не упомянуть о замечательном произведении скульптора-дипломника Сносоева «Мать и дитя». Чудесное поэтическое создание!

Так самоотверженным трудом и творчеством ответила ленинградская художественная интеллигенция на вражеское нашествие.

— Как это Карл говорил, уезжая на фронт? Ах, да... «Только не поддавайся страху, Герт, — сказал он. — Все будет хорошо! Не поддавайся страху! Да разве мне страшно? То, что застрелят у меня в горле, то, что давит и душит меня, — разве это страх? Нет, просто тяжело всегда быть одной, одной... Совсем одной! А ведь здесь, в комнате, не так ощущаешь его ужасное одиночество, как где-нибудь в другом месте... Например, в битком набитых трамваях, или в очередях, где лица уставых и обессиленных людей кажутся покрытыми непроницаемой броней, словно каждый хочет замкнуться в себе, спрятаться от других... А у себя в комнате, плотно затворив за собой дверь и дважды повернув ключ в замке, ты забываешь себя от многого, что еще тяжелее давит и безжалостней душит... Да... И холодно, страшно холодно... Одно что это? Я говорю воздух сама с собой... Смешно, но, очевидно, всегда бывает так, когда человек все время один. У него появляются странные привычки. И новое не так уж холодно. Какое нелюбопытность приходит в голову! Там, там ужасно холодно, там ледяная стужа! В бесконечной морозной ночи исчезает, растворяется его образ. Когда я пытаюсь представить себе его лицо, его руки, черная тень завлакивает мои глаза, я не вижу ничего, кроме холодного, черного мрака, в котором все расплывается и тает... Нет, это стена... Раз, два, три, четыре... пять! Точно — пять шагов от одной стены до другой. Часами можно так ходить, взад и вперед, от двери к окну, от окна к двери... Бесконечный путь. Пять шагов и снова пять. Сколько раз по пять шагов делает он в течение каждого дня и в течение каждой темной, морозной ночи? Бесконечный путь... Как долго он таетеся, и не видно его конца... Это началось еще летом. Потом пришла осень, за ней зима... И новый год. И снова те же четыре времени года, также же бесконечные... И перед каждым новым солнечным круговоротом мы слышали: — Теперь, в новом году, кончатся эти бесконечная мука... И снова стена... И вступу, куда вы пойти, наткнешься на стены, глухие стены! Если бы Карл знал... Но, может быть, он знает все не хуже меня и просто не говорит в своих письмах о самом важном, как я — в письмах к нему... Каждый про себя, в одиночной камере своих мыслей... Бодро отворачивая свои пять шагов, от стены к стене... Да, далеко мы зашли, если два любящих человека должны так долго таять друг от друга своих важнейших, серьезнейших мыслей... Подумать только, ведь было время, стояло нам посмотреть друг на друга, и каждый понимал другого без слов, угадывая его сокровенные мысли. Но тогда еще не было этой стены, прокладкой стены, вырастающей везде и всюду... Тогда был мир... Мир! Кто произнес вслух это слово? Кто? Кто здесь? Слова глупый бред? Да, в самом деле, не много стоят мои нервы, если я дошла до того, что кричу в пустой комнате и спрашиваю, кто кричит... Если кто-нибудь услышит... О, боже мой! Нет, в соседней квартире никого нет... Кому придет в голову, что здесь, в темной комнате, кто-то вдуло, как безумный, закричит о мне... Теперь я, конечно, это слово негромко, про себя... Никто не мог расслышать... Стало быть, мои нервы все-таки в порядке... Может быть я должна была включить свет? Говорят, свет всегда действует успокоительно... Но нет, тогда комната станет еще пустыннее и я почувствую себя еще более одинокой... Я могу продолжать свой путь и без света... Пять шагов от двери к окну, и пять шагов от окна к двери... Пять... Пять лет мы женаты, но и половина этого времени не прожили вместе. Меньше половины... Мало, очень мало, не правда ли? Да, два с половиной года могут быть короткими, как миг, и бесконечными, как вечность. Только два с половиной года мне позволили быть вместе с ним. А затем его заставили уйти от меня. Ему сказали, что он должен сражаться за величие Германии... Кто думал о нашем маленьком счастье, раз речушка о величии Германии... Два с половиной года биты за величие Германии, — и в каждом немецком доме оплакивают погибшего или дрожат за жизнь того, кто еще не погиб... Как дрожу я... Но что значу я? Что значат мое «я», мое жалкое «я»? Ничтожно по сравнению с величием Германии, — жалкое немецкое «я», которое делает пять шагов от стены к стене... Там величие Германии, здесь я, и

ты, и вы, и мы все, все! Страшным молчанием веет нас от каждой стены, на которую мы наткнемся. Свет! Свет! Мне необходим свет, я больше не в силах выносить темноту... Должен же, наконец, наткнуться здесь кто-то. Кто скажет мне, какой смысл в этих невыносимых муках, за что нас так бесчеловечно терзают... Вао — там далеко, и нас — здесь, дома... Величие Германии? Да разве не здесь оно, в величии моего горя?.. Мы все его рабы. Мы прикованы к нему, как к тачке, и тащим, тащим его — пять шагов вперед, пять шагов назад, от окна к двери, от стены к стене... Пять шагов... Пять... Нет, я должна включить свет, все вернется вокруг меня... Я должна собраться со своими пятью чувствами... Да, так лучше! При свете все яснее. Не легче, но яснее... Надо еще опустить шторы над затемненным окном, чтобы этот черный квадрат не говорил снова о том же... Тщесла, окно! Не смея выдавать военные тайны, это сурово карается! Что ты говоришь?.. Это уже не тайна! Чтоты говоришь на крышах уже тиражируют отом, как идут у нас дела, здесь, внутри стенок, и там, на фронте... Там, где Карл... На бесконечном ледяном Восточном фронте... Молчи, окно! Ты во предписанию властей затемнено, ты не имеешь права напоминать о своем существовании, ты должна молчать... Ты уже не то, что прежде, ты изменилось, как и все остальное, что некогда казалось нам разумным, добрым, красивым... Никаких окон больше не должно быть, на их месте затемненные, призрачные квадраты в стене... Да, когда-то ты было широко раскрыто, в тебя вливался свет, в эту комнату проникало голубое вечернее небо, не разорванное еще прожекторами... Да, когда-то было широко раскрыто, готовое принять в свои объятия маткий блеск луны и сверкающие звезды... Все это прошло, миновало... За эти бесконечные, как вечность, два с половиной года все вещи вокруг меня приобрели плачевный вид. И теперь, когда в комнате стало светло, этому уже никак не скрыть... О, как жалки они и как достойны сожаления! Господи, скажи над нами! — словно умоляет они... При свете все становится ясно и можно объективно взглянуть на каждую вещь. Я могу отворачивать свои пять шагов взад и вперед, не наталкиваясь на стену. И я могу собрать свои пять чувств... Сейчас это особенно важно, потому что мне необходимо во что бы то ни стало доказать, почему все крупно выглядят таким жалким, достойным сожаления. На то ведь у меня есть пять органов чувств, у каждого человека есть пять органов чувств — этому нас еще в школе учили... Может быть бывают периоды, когда человек не владеет своим разумом, когда органы его чувств приходят в расстройство и он не в силах постичь смысла вещей и явлений?.. Не переживаем ли мы теперь именно такой период?.. В самом деле, как постичь теперь смысл жизни, имеет ли смысл продолжать жить так, как нас заставляли жить? Конечно, это бессмысленно, но, может быть, когда мрак и одиночество так жестоко обрушились на меня, перестал действовать не только мой разум, но и мои органы чувств? Может быть разум и чувства могут быть убиты в целом народом?.. Может быть народ сумел загнать в такой сумасшедший дом, в котором он теряет способность действовать согласно своему здравому рассудку?.. Может быть органы его чувств были парализованы?.. Первый орган его чувств — слух — был поврежден, ибо его заставляли принимать за величие Германии манию величия, о которой ему в течение восьми лет непрерывно трубили в уши, чтобы он не мог расслышать предостережения своей совести... В течение восьми лет барабанный переплоска ложится, и целый народ становится глухим, теряя один из своих важнейших органов чувств настолько, что не может уже расслышать, как над ним начинают трещать потолки... Бесчувственными что ли сделали нас? Иначе мы давно должны были бы опомниться и понять, куда нас ведут, всех нас — и тех, кто на фронте, и тех, кто здесь, дома... Как же иначе?.. Вот я отсчитала раньше, в темноте, свои пять шагов и стукнулась головой о стену, потому что я шла ослепленно, ослепленная темнотой, лишенная важнейшего чувства — зрения... Лишь теперь завеса словно спадает с моих глаз и я начинаю все видеть отчетливо и ясно, смотреть в корень вещей... Стало быть, действительно возможны периоды, когда ты не в состоянии

ского, чтобы выразить пламенные чувства советских патриотов: Землю, которую завоевал и полууживая вынуждены, где с пулей встань, с винтовкой ложись, где капли льешься с массами, с такою землею пойдемь — на жизнь, на труд, на праздник и на смерть.

Этими стихами Маяковского советская поэзия встретила нападения гитлеровцев. Любовь к земле, которую ты завоевал, в счастье которой есть частица и твоего труда, а в борьбе хоть капля и твоей крови — вот патриотизм Маяковского. С этим чувством родины живет наша поэзия в дни великой войны. Конечно, это чувство не просто географическое или этнографическое. Его замечательно раскрыл, дополнил Маяковский, Павел Тычина в стихотворении «Чувство семьи единой». Победой социализма в нашей стране открывается эпоха расцвета национальных языков —

и разом вдруг — чужое слово в родной язык родным ворвется. То не язык, — не просто звуки, — не слов блуждающие ядны, — в них слышен труд, и пот, и муки — живая сова семьи единой. «Радуя» дружба народов укрепляет нашу связь с родной землей, делает неотрывно мыслями для нас и ее язык, и ее нравы и обычай, ее труд и пот, и муки, возмущает, как сызну, ее историю и как лучшую музыку заставляя звучать самое ее имя. В октябре-ноябре 1941 г., когда враг угрожал Москве, по-особенному проникновенно зазвучали стихи поэтов братских народов — М. Рыльского, Джамбу-

В. ПЕРЦОВ

Заметки о советской поэзии наших дней

С упоением, с восторгом повторяем мы веющие слова Пушкина, Лермонтова, Толстого о любви к России. В неумирающей поэзии наших великих предков вкладываем мы современный смысл. Но неотступно стоит перед нами алая — выправят в новых словах и образах то, что наши предки не знали, — нашу советскую жизнь, беспримерную войну, которую мы ведем, обновленное чувство любви к родной земле.

В этой задаче нас никто заменить не может. Мы, помнящие до последней излучины весь громадный, трудный, опасный и радостный путь нашей родины, должны найти настоящие слова для урагана чувств, поднятых в нашей душе войной. Передвигаемая газетные страницы, вслушиваясь в программы газетных бесбумажных — радио (понятно, что именно здесь в первую очередь наша место боевая поэзия наших дней), мы видим, какое высокое, неотразимое звучание дала война тем поэтам, которые в этой задаче нас никто заменить не может. Мы, помнящие до последней излучины весь громадный, трудный, опасный и радостный путь нашей родины, должны найти настоящие слова для урагана чувств, поднятых в нашей душе войной.

мер, темы любви, смерти, природы, коренится в теме родины. Ни достойно жить и любить, ни достойно умереть, оставшись в памяти потомства, нельзя иначе, как заслужив признание современников — героических участников великой борьбы. В теме родины берут свое начало все лирические темы. В тему родины, как реки в море, впадают и тема любви, и тема смысла жизни, и тема превращения к смерти, и тема непохожести и вечной любви красоты — природы.

Тема родины наша свое классическое выражение в творчестве лучшего поэта нашей эпохи — Владимира Маяковского. Но так глубоко и многогранна эта тема, что та или иная ее сторона стала источником очарования в искусстве наиболее выдающихся поэтов наших. В поэмах «Двенадцать» и «Сны» Александр Блок возмещает прелестью и неясностью к старому миру насилия и разврата: Да, так любить, как любит наша кровь, Никто из вас давно не любит. Забыла вы, что в мире есть любовь, Которая и жжет, и губит.

Как только пробил трудный для родины час, с новой силой зазвучали слова Маяковского. В первой же строке о великой отечественной войне, напечатанной в «Правде» на другой день после вероломного нападения немецких захватчиков, Емельян Ярославский цитировал Маяковского: Да, так любить, как любит наша кровь, Никто из вас давно не любит. Забыла вы, что в мире есть любовь, Которая и жжет, и губит.

Вдумываясь в стихи, с которыми советские поэты выступили в первых же днях войны, мы можем сказать, что вечный лирический, так называемых «вечных» тем, какими считаются, например,

способностью перевоплощения, гениально подмеченная Достоевским в Пушкине, стала доступной поэтам всех советских народов. Разве не об этом убедительно говорят стихи о Москве? В «Слове про рідну матір» в поэтическом образе Украины, ставшей жертвой вероломного нападения польского врага, Максим Рыльский дал новое подтверждение единства украинского и русского народов. «Слово про рідну матір» переключается с величайшим памятником русской и украинской поэзии — «Словом о полку Игореве». О великом патристическом единении «эвенит слова в Киеве, Коня ржуг за Сулою». Пусть — слыши! брешуть на червоние щиты» великого воинства, правда, и доблесть воспримеют. В «Слове» современного украинского поэта слышим мы ту же высокую уверенность: Примишь Дніпро, шумить Сула, Овалясь голосом Карпати, И клич польського села В Путиці своему чувати. Чи овам обороти орла? Чи правду крильи полонять? О, земле рідна! Знаєш ти, Свій шлях у бурі, у негоді, Встає народ, гудуть мости, Рочуть ріки ясноводі... Лякони брешуть на щити, Та сонце устає — на Сході. «Слово» Рыльского приближает к нам историю. Голос негодующего современника крикнет, слышась с оживающими из исторической дали голосами Игоря Баяна и великого Тараса Шевченко, «распяту на немецком щитке», с уверенностью в справедливом возмездии за нее. Стихотворение Долматовского с поэтической силой — вклад не только в русскую, но и в украинскую культуру, до того локальные в нем словарь и образы, до того сильно чувство любви ко всему украинскому — слову, образу, пейзажу. Любовь к родине никогда не была так действительна, как в наши дни, хотя в России никогда не было недостатка в патристах. Великая отечественная война возвысила патристическую тему и показала, что в ней восходит все темы лирической поэзии

Балхаш — Барнаул

Круг путешествий Камерного театра, на севере которой находится Мурманск, на юге — Буэнос-Айрес, на западе — Париж и на востоке — Владивосток, обогатившись еще одним новым направлением: Фронтальная Азия, Казахстан, Балхаш.

Балхаш — новый город среди необжитых карагандинских степей, расположенный на берегу огромного одноименного озера. Город имеет самые широкие перспективы развития, но пока он только в процессе стройки. Точнее, это только образ будущего индустриального центра. Естественно, что трудность, с которой нам пришлось здесь по началу столкнуться, оказалась немалой.

Театр в настоящем смысле слова в городе еще нет. Его заменяет старая временная театральная группа Медведова. Мастера, технически необорудованная сцена этого клуба во всю в три с половиной метра высоты. Нет ни мастеров, ни других подобных помещений. Эти неудобства усугубляются еще и тем, что своих декораций, костюмов, электрооборудования и прочих необходимых материалов с нами не было. И тем не менее мы поставили себе задачей через две недели после приезда открыть сезон.

Коллектив Камерного театра — его актеры, технический персонал, даже семья — возмужавшие пилами, молотками, рубанками, кистями, иглами, монтировками, спицами и краской декораций, кройки и швы, холсты и костюмы, ретриворали... В результате этого упорного и большого труда мы открыли сезон на два дня ранее установленного срока — 7 декабря.

Балхашский зритель горячо принял наши спектакли. Начались регулярные выступления: шедские концерты в госпитале, на заводе, для призывников. Параллельно со спектаклями на Балхаше мы стали играть также и на Коураледах (длинами в девятнадцать километров от моря).

Театр-клуб на Коураледах выгодно отличается от клуба на Балхаше. Од — фундаментальной структурой, с уютным двухэтажным залом и сравнительно высокой и вместительной сценой. Но в нем один важный недостаток: актерские сцены имеют всего-навсего пять с половиной метров. Это еще раз со всей определенностью ставит вопрос о необходимости обязательной предварительной консультации и последующего контроля со стороны Комитета по делам искусств, при осуществлении всех строев, имеющих для бы ограничительные театральные функции.

Контигент артистов на Балхаше весьма ограничен, и поэтому каждый спектакль может быть показан максимум три-четыре раза. Правда, за два месяца работы на Балхаше мы возобновили почти полностью в новых декорациях и костюмах семь постановок, несмотря на то, что это потребовало совершенно исключительного напряжения сил коллектива. Но непрерывная работа по возобновлению старых спектаклей и полное несоответствие размеров местной сценической площадки масштабам нашей сцены в Москве делали подготовку новых постановок почти невозможной и даже нецелесообразной. А без новых работ творческая жизнь театра, даже при максимальной ее интенсивности, остается все же в значительной мере бесплодной. Решение о переводе Камерного театра в Барнаул явилось в этой обстановке актом, безусловно, своевременным и необходимым.

Мы начинаем сейчас работу над двумя антифашистскими спектаклями. Это — пьесы Д. Селана «Крушение» и А. Шаррера «Панша на черной горе» (перевод с немецкого Уманского и Оленина). Современность отмечена по выведенной в них среде, сюжетам и ситуациям, пьесы эти едины по своей основной теме и направленности. Я мыслю работу над этими спектаклями как решение единой сценической задачи, имеющей целью раскрыть лицо фашизма.

Наряду с этими постановками, композиционная работа над которыми закончена, мы будем готовить спектакль, в котором нашла бы отражение наша отечественная война. Мы хотим раскрыть в этом спектакле любовь советского народа к родине, его волю к победе, его понимание своей ответственности за судьбы всего передового человечества. К работе над такой пьесой в тесном контакте с театром намерены в скором времени приступить писатель К. Паустовский. Одновременно над современной комедией для театра будет работать М. Зощенко. В этом же году мы выступим пьесу американского драматурга Клиффорда Олдеса «Золотой мальчик», репликация которой была перенесена на сцену еще до нашего отъезда из Москвы. Ближайшая наша работа над классикой — одна из пьес Шекспира.

Таковы наши планы, которые мы осуществляем и будем осуществлять, чтобы вернуться в Москву творчески обогащенными и хотя бы в малой мере достойными той великой победы, которая куется на полях священной отечественной войны.

Из съемок фронтовых кинохроникеров. Слева — охотники за вражескими подлодками; справа — люди партизанского отряда.

Из съемок фронтовых кинохроникеров. Слева — охотники за вражескими подлодками; справа — люди партизанского отряда.

РОЖДЕНИЕ КИНОПУБЛИЦИСТИКИ

А. НОВОГРУДСКИЙ

Война советского народа против немецких захватчиков произвела глубокие сдвиги во всей нашей культурной жизни. Появилось множество хороших стихов, где большая глубина мысли и чувства сочетается с ясностью и отточенностью формы. Некоторые газетные очерки, написанные по горячим следам событий, с полным правом займут место в школьных хрестоматиях. Думается, что в этом же ряду надо упомянуть многие удачные документальные кино — от большого фильма до короткого журнального сюжета.

Перед нами на экране пять новых номеров Советкиножурнала, вышедших в свет во второй половине февраля 1942 г. В них с особой силой оказывается то новое, что появилось в нашей кинохронике за дни войны.

Эти пять коробок ленты, если их смотреть подряд, воспринимаются, как единое захватывающее зрелище. Образы и мгновения не оставляют зрителя безразличным. Один эпизод сменяется другим, и кажется, что самое интересное и волнующее уже просмотрено, но всякий раз оно оказывается впереди. Трудно назвать в прошлом журналы, где все сюжетно — быть может, за одним-двумя исключениями — были бы так удачно найдены, сняты и смонтированы.

В селе К. оккупанты создали мощный узел сопротивления. Вместе с командиром эстонской красноармейской части, стоящим на наблюдательном пункте, мы смотрим на поле будущего боя. Пока говорят только наши орудия. Шквал артиллерийского огня оглушает немцев, подавляет огневые точки врага. И вот по снежному полю динулись атакующие подразделения. Мы надолго запоем широко панораму героического боя, командира, сражающегося вражеской пулей, смелый бросок наших бойцов вперед, отважную девушку-санитарку, выносящую раненых из под обстрела.

...Боюемые машины берут разгон на тучко поблескивающем снегу карельского аэродрома.

...А на берегах реки Волхова лыжники в белых халатах пробираются через леса. Орудия храброего переревают полотно захваченной врагами дороги. Жаркий бой захватывает на речных переправах. Фашистские хищники тешно пробуют скрыться в чаще леса — их водку настает оруженые советские лыжники.

Так из множества эпизодов, бытовых штрихов, человеческих портретов складывается величественная картина битвы, которая ведет наступавшая Красная Армия. Заснятые советскими хроникерами кинодокументы о наступательных боях Красной Армии будут с горячим интересом встречены свободолюбивыми народами мира.

Сюжеты Г. Боброва «Красная Армия продвигается на запад» (СКЖ № 13), «На реке Волхов» Б. Бурта и А. Лебедева (№ 14), «В тылу врага» оператора Б. (№ 15) и другие хорошо воспроизводят суровую обстановку войны, наступательный порыв Красной Армии, мужество и стойкость советских людей, освобождающих родную землю от фашистской нечисти.

Основное достоинство этих сюжетов, как и всей советской хроники, их правдивость. Она — источник огромной силы их эмоционального воздействия.

Но правда эта — не серебряная правда

ремесленного «моментального снимка», холодной фотографии, верно передающей только внешние контуры явления.

Нет — это рассказ правдивый и в то же время заворающий. Рассказ не только очевиден, но и участника великих событий. Его сьемка — не простая регистрация факта: он, советский кинохудожник, вкладывает в изображение действительности свои живые ощущения и чувства. Так рождается кинопублицистика.

Совместимы ли столь далекие понятия, как «документ» и «чувство»? Посмотрите лучшие работы наших кинохроникеров, и вы увидите, как публицистическая страстность тесно соединяется со строгой документальностью. Одно дополняет другое, первое немисимо без второго.

Хроника иногда называют кинолетописью. Если эту метафору употребляют как образ безострастия, то она неточна, ибо летописец, который писал бы, «добро и зло внимаю равнодушно», в действительности не существовало. Советский хроникер несравненно объективнее летописца. И в то же время «летописец» его во сто крат активнее: в ней всегда слышится радость, скорбь или гнев, сама она звучит как призыв к борьбе.

Это справедливо не только по отношению к сьемкам боевых эпизодов.

Оператор Б. (имя которого не может быть названо, потому что он работает во вражеском тылу) побывал в партизанском отряде. Выясните, какой телодвижений сняты им портрет колхозницы-партизанки, портрет старика-партизана — вся картина суровой и мужественной жизни народных мстителей!

Даже пейзаж в хронике не безразличен. Вспомните, например, кадры заснеженного леса, по которому идут наши бойцы (сьемки Бурта и Лебедева). Это пейзаж, сделанный рукой художника, — знакомый и близкий пейзаж родной земли, который говорит сердцу зрителя не меньше, чем кадры атак, эпизоды боевых подвигов.

Кинореporter или публицист? Хроникальный репортаж или киножурналистика? Между тем и другим стираются грани. Замечательный образец фронтового репортажа — «Разгром немецких войск под Москвой» — стал одним из самых ярких публицистических произведений последнего времени.

И вместе с тем в киножурналистике происходит разграничение жанров. Мы видим и короткое сообщение о событии (например, снятую оператором Гольбрихом корреспонденцию из Лозовой), и киноэссе, и динамичный, выразительный очерк.

Первые военные сьемки — летом и осенью прошлого года — были фрагментарны. На экране чередовались обрывки явления, захваченных кинооператором бесплодно, и вместе они создавали лишь неполный и внешний рисунок войны.

Сейчас операторы хроника с успехом овладевают трудным искусством кинопортрета. Речь идет не о портрете-кадре, а о раскрытии характера человека, героя отечественной войны.

Вот санитарка Лена Иванова выносит раненого с поля боя. (Девушка гвардейской бригады Г. Боброва). Возле разраывается снаряд. Лена передвигается ползаком, таща за собой раненого. С ее головой падает шапка, она взмывает от усталости, но настойчиво, упорно подвигается вперед.

гается вперед — туда, где стоят пригнотеленные для перевозки раненых санитары. И, достигнув цели, она не забывает обязательно укрыть, устроить поудобнее больного его человека. Из мелких штрихов, подмеченных оператором, возникает образ дочери советского народа, волевой и бесстрашной.

Место разрозненных фрагментов в хронике занимает связанное изложение события, не только хронологически последовательное, но и осмысленное по композиции. Шленка, присланная с фронта, рассказывает о целой боевой операции, и от этого рассказ становится еще более значительным.

Среди сюжетов последних пяти номеров журнала привлекает внимание очерк «Морские охотники» Я. Берлинера и Н. Большакова. Черное море... Тяжелые волны режет катер младшего лейтенанта Черника. Южным солнцем опалены мужественные лица командира и красноармейцев — охотников за вражескими подлодками. Валентин замечает перископ... «Полный вперед!» Котор должен на боевой курс, начинается стремительная погоня за врагом и единоборство катера с подлодкой. За корму уходит глубинная бомба, и плавает бошено мчащегося катера поднимается сверкающий водяной смерч. Бомбы падают одна за другой. Пузырьки воздуха отскакивают от места, где гибель австигла фашистских подводных ширатов...

Часто говорят о желательности сотрудничества кинохроникера с газетчиком. Такое объединение может быть плодотворным. Но еще лучше, если оператор и журналист совмещаются в одном лице.

Отвага и бесстрашие — но единственные качества человека с киноаппаратом. В отличие от фронтового литератора, который записывает свои наблюдения, когда бой уже кончен, кинохроникер под огнем врага, создает свой рассказ. Ему надо не только видеть перископ боя, но помнить о фокусе и экспозиции, искать выразительные средства, чтобы передать происходящее вокруг; наконец, мысленно создавать план будущего сюжета.

Советских кинохроникеров воодушевляла любовь к родине, стремление возможно полнее и шире показать миллионам людей героическую великую отечественную войну. С каждым днем они все лучше выполняли эту почетную задачу.

Было бы, конечно, наивно думать, что наша кинохроника уже оказалась на такой высоте, дальше которой не надо стремиться. Хроника еще нуждается в многом и многое ей предстоит завоевать упорной работой. Надо бы еще глубже войти в жизнь фронта. Хотелось бы рядом с военными сьемками видеть больше ярких сюжетов о людях советского тыла. Стоило бы еще рече сократить дистанцию во времени между сьемкой материала и выходом его на экран. Многие задачи решены еще неполноценно. Но полем, переживаемый сейчас кинохроникой, убеждает в том, что они будут решены.

Завоеванный кинохроникой новый горизонт заставляет предвидеть каждому оператору, режиссеру хроника новые требования. Теперь никто уже не простит вялого и серого сюжета в журнале. Теперь надо все более настойчиво овладевать мастерством боевой советской киножурналистики.

Изо особую актуальность в наше время приобретает прозвучавшее еще в младелесческие годы советской кинематографии призывное ленинское слово о значении «образной публицистики» в кино.

Союзкиножурналы №№ 13—17. Февраль 1942 г. Центральная студия кинохроники. Режиссеры И. Копалин, Н. Нарзинский, И. Сетина, М. Фиделева, С. Гуров.

Герой Советского Союза капитан Гастелло. Картина М. Хазанова и И. Гуревича.

ПЕРВОЕ ИСПОЛНЕНИЕ 7-й СИМФОНИИ Д. Д. ШОСТАКОВИЧА В МОСКВЕ

22 марта в Колонном зале Дома Союз Комитет по делам искусств при СНК СССР и Всесоюзный радиокомитет организовал концерт, в котором впервые в столице будет исполнена 7-я симфония Дм. Шостаковича.

Дирижер — народный артист СССР С. Самосуд, исполнитель — объединенный симфонический оркестр Большого театра Союза ССР и Всесоюзного радиокомитета.

Герой Советского Союза капитан Гастелло. Картина М. Хазанова и И. Гуревича.

НА ЛИНИИ ОГНЯ

Очень прошлого года в Москве была создана первая киногруппа для обслуживания фронта и фронтовых войск частей.

Многие кинохудожники побывали на фронте со своими передвижками. Они проводили сеансы для воинских частей, которые давали отпор фашистским полчищам на дальних подступах к столице.

Командование виской части высоко оценило работу механика Анны Прокопенко. В письме-отзыве сообщается, что кинохудожник т. Прокопенко, несмотря на все трудности, сумел обеспечить хорошую и бесперебойную демонстрацию картин.

Ниже мы приводим рассказ Анны Прокопенко о ее работе на фронте.

Ранним зимним утром на немецкой транспортной машине мы выехали из Москвы. Первый сеанс состоялся в тот же день в селе Р., неподалеку от линии фронта. В помещении дивизионного клуба собрались командиры, работники штаба и бойцы.

И вот на экране появляются первые кадры фильма «Речь товарища Сталина на Красной площади 7 ноября 1941 года». Я и раньше полюбила мобилизующую роль кино. Но особенно ясная она стала для меня именно здесь, на фронте.

Другой сеанс устроили часа в три, в большом сарае. Бойцов собралось так много, что некоторые смотрели, вбравшись на стропила («та галерку» — шутили они). В углу сарая стояли кони, которые пулюю косились на мою кинопередвижку.

С горящими от волнения глазами рассматривали зрители о просмотра. «Такие картины зовут в бой», — говорили они. Так мы двинулись к передовой линии фронта. Все ближе слышался гуд артиллерийской стрельбы. Наконец, вблизи на окраине большого города, откуда наши части только что вышли немцев.

По обе стороны улицы чернели разрушенные дома, над городом клубился дым пожаров.

На рассвете командир пригласил меня поговорить киносеанс. «Потом, — говорил он, — будет некогда». Пока я устанавливала аппаратуру, собралось очень много бойцов. Веселые все, шутят, интересуются кино...

Я показывала сборник «Новые рассказы о боевом солдате Швейка». Очень смеялись, глядя картину «Олегор бодрости» — о том, как немцев пошаривают перед атакой.

Но только я закончила следующую картину, снаружи послышался какой-то страшный шум. Это неподалеку разались вражеские мины. Раздался отрывистые слова команды. Бойцы спокойно и организованно покидали зал.

Заметив мою тревогу, кто-то из бойцов сказал, проходя мимо: — Не бойся, товарищ, мы не дадим тебя в обиду... Сейчас подоспеет фашистам жару.

А. Прокопенко.

Артисты фронтовики

Концерт идет приглушенно, как бы вполголоса — передняя линия фронта рядом. Задорный, бойкий куплет песенки Беранже произносится чуть ли не шопотом. Но право же, песенка от этого звучит не хуже!

Наш ансамбль возник в первые дни великой отечественной войны. Участники его — бойцы и командиры Красной Армии: стрелки, пулеметчики, гранатометчики, артиллеристы. В своих частях они были лучшими авталами, музыкантами, писателями, рассказчиками. По решению Военного совета нашей армии, все они объединены в боевую художественную единицу, перед которой поставлена задача: обслуживать своими выступлениями передовые эшелоны бойцов, командиров и политработников Н-ской армии.

Ансамбль «Красноармейская аралка» — желанный гость в окопах, блиндажах, на отдаленных позициях, в полевых лагерьях. Часто в условиях бездорожья, под непрерывным обстрелом с фашистских самолетов артистам-красноармейцам ансамбля приходится продвигаться вдоль линии фронта, давая в частях и подразделениях по 6—7 концертов в день.

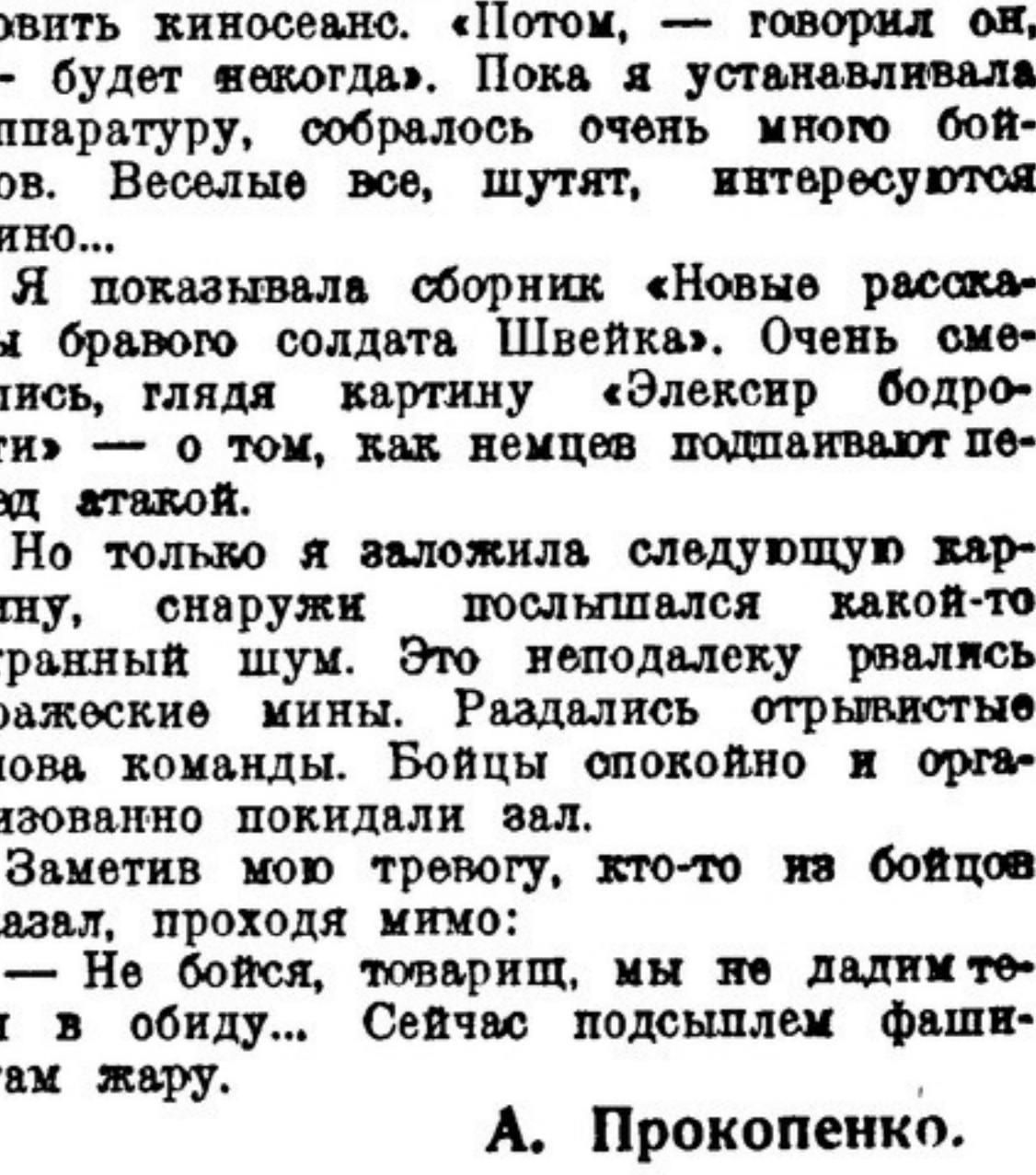
Особое место в репертуаре занимает произведение об Н-ской армии, боевой единицы которой является ансамбль. Сочиняют их участники ансамбля — красноармейский Куксин и поэт-фронтвик Чернов. Среди них — «Песня армии», «Поэма о братьях Шариковых». В работе — «Валлада о разведчике Гусеве». Большой популярностью пользуется «Песня о снайперах Н-ской армии» (музыка Сергея Арашкевича, текст Чернова). Вот заключительные слова этой песни: ...Пусть не бросай в белый свет. Бьет Вокуну, Гончаров, Алексеев, Справа им отступил сосед. Снайперы, бойте, пусть не жалесте, Пуля, летит только в цель. Гнемом горячим патроны набейте, Местью скрепите прицел.

По просьбе красноармейцев участникам ансамбля нередко приходится исполнять популярные отрывки на советских оперетт и кинофильмов. В нашем репертуаре есть и классика. Особенно любимы бойцами песни Беранже «Бабушка», «Дочь народа» и др. Не ограничиваясь музыкой, ансамбль широко использует стихотворения, басни, диалоги, печатаемые во фронтовых газетах.

Участники коллектива поддерживают связь со своими частями, инструктируют ротных звеньев, снимают красноармейскую художественную самостоятельность репертуаром и т. д.

Ансамбль «Красноармейская аралка» непрерывно растет как за счет лучших представителей красноармейской самостоятельности, так и за счет талантливой молодежи, студентов музыкальных училищ, ныне являющихся бойцами.

А. Виткин.

«План в историю». Иллюстрация из сборника «Бойцы смеются». Изд. «Молодая гвардия».

Литература и искусство

Литература и искусство

Литература и искусство

Литература и искусство

Литература и искусство

Литература и искусство

Литература и искусство

Задачи художников

В. ШКВАРИКОВ

Кроме большой работы, которую ведут художники по линии художественной публицистики, ряд из них работает над станковыми монументальными произведениями. В. Яковлев написал прекрасный «Портрет Героя Советского Союза Яковлева», Кончаловский — «Портрет Героя Советского Союза Юмашева», Нисенский и Штралка — «Эпизоды морских боев на Балтике», Одинов — «Морской десант».

Над большими полотнами работают художники Горелов, Вакхев, Бунов, Соколов-Скаля, Шухмин, Мальков, Мешков и др.

Успехи советского изобразительного искусства велики, однако было бы неправильно закрывать глаза на серьезные недостатки, тормозящие его дальнейшее развитие.

Великие исторические события, которые переживает наша родина, требуют громадного разнообразия творческих исканий, направлений, приемов, индивидуальных художественных особенностей. Задача советских художников гораздо шире сложившихся форм художественного творчества («Окна ТАСС», карикатуры, плакаты) и могут быть сведены только к этим формам искусства. Идеи и темы отечественной войны требуют для своего полноценного художественного выражения прежде всего мощных средств монументального искусства, сочетающего творческое развитие лучших традиций классики со смелым новаторством.

Ясность и идейная глубина образа, классическая «обложная форма», благородная простота средств выражения, героический характер всей трактовки художественной темы — таковы «черты монументального искусства».

«Глубокая идея становится внушительной только в совершенной форме; только благодаря форме она возвышается до величественного значения. Послательство на возвышенные идеи доморощенными средствами вызывает брезгливое чувство», — писал Репин.

Резвая и дальние формы искусства художественной публицистики, советские мастера должны бороться за создание монументальных произведений японски, скульптурно и графично. Война против немецких захватчиков

и порождает каждый день герою нашей многонациональной родины. Советские художники должны взять на себя историческую миссию создания галереи портретов героев великой отечественной войны.

Они должны создать такие портреты наших героев, которые будут раскрывать потопком историческую правду о советских людях, делущихся за родину на поле боя, не жалея своей жизни.

Развитие нашего монументального искусства несомненно зависит от правильности представления некоторых художников, что время для создания крупных станковых произведений еще не пришло. Не менее отрицательную роль играет и существующее у ряда художников представление о военной теме, как теме батальной в узком смысле слова.

К сожалению, большинство из станковых произведений наших художников на тему великой отечественной войны представляет пока еще плоды поспешного творчества, незаконченные работы, оторванные от реальных военных событий. Многие из них неграмотны в военной точки зрения, надуманны и ничего общего не имеют с грозными боями, которые происходят на неоятых просторах нашей родины. Художественные советы, вместо того чтобы бороться с подобными произведениями искусства, сплошь и рядом поощряют их и делают скидки на сроки, на военное время, на трудности, которые испытывают художники, и т. д.

Есть художники, которые не выходят из мастерской и пишут военные картины по фотографиям и на основании логических умозаключений и схем. Некоторые художники если и стали выезжать на фронт, то не полмечают и не находят нового и характерного для войны 1942 г., а относятся к фактам и явлениям военных событий, как турлоты, и привносят поверхностные штампы.

В арсенале нашего советского искусства имеется ряд выходящих произведений батальной живописи. Таковы работы Соколина, Грекова, Авлинова, Соколов-Скаля и целый ряд других картин, вошедших в золотой фонд советского искусства.

Образы великой отечественной войны должны найти в работах советских художников еще более яркое воплощение. Важнейшей задачей советских художников является большая воспитательная работа с художниками, содействие глубокому изучению ими военных собы-

тий и развешивание творческой критики и самокритики. Ни один факт поверхностного изображения военной темы не должен проходить без серьезной творческой критики. Между тем союзники внимания оплошь и рядом не свойственными им хозяйственными функциями и забывают о своей главной задаче — творческой работе с художниками.

Оргкомитет Союза советских художников не сумел правильно организовать работу в период войны, проявив некоторую разрывчивость и неорганизованность в руководстве союзными на местах. Собираясь на-днях пленум оргкомитета должен призвать к порядку некоторых руководителей передвижков, самозатравившихся от работы, наметить программу действий оргкомитета и план основных творческих мероприятий.

Необходимо развернуть ожесточенную борьбу с вульгаризацией и искажением лозунга социалистического реализма в изобразительном искусстве. Эти искажения и вульгаризация выражаются прежде всего в упрощении идейного содержания и в стремлении к лакировке действительности, внешней стилизации, вместо раскрытия всего замечательного богатства внутреннего мира современного человека и его героических подвигов на фронте отечественной войны.

В этом отношении большую роль призвана сыграть критика.

Задача критики заключается в том, чтобы сделать то передовое и ценное, что есть в лучших произведениях, достойных искусства и литературы разбираться достоинства и недостатки новых произведений.

Основной практической задачей наших художников в настоящее время является подготовка к художественной выставке «Великая отечественная война советского народа против немецких захватчиков» и создание альбомов — «Москва героическая».

Проникнутое величием народной отечественной войны, художественное творчество наших дней должно остаться в великом правдивом свидетельством моральной величия и мужества советских людей.

Литература и искусство

